

Очень странные Грейстоуны

Читайте в серии:

Книга 1. Незнакомцы

Книга 2. Самозванцы

Продолжение следует...

Тем, кто ищет правду

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

ГЛАВА 1

ФИНН

Каждый день после школы Финн Грейстоун играл в бейсбол с чужим папой. Он обожал эту игру с тех пор, как научился держать биту. Ему нравилось, как белый мячик описывает дугу на фоне синего неба и со стуком ложится в перчатку.

Еще ему нравилось, как папа Натали Мэйхью восклицает «Ну ты и ловкий!» — даже когда мяч проносится у Финна над головой и падает совсем не там, где нужно.

По правде говоря, Финн вообще любил играть.

Но с тех пор как две недели назад пропала его мама, всё обрело двойной смысл. Бейсбол перестал быть просто игрой.

Он стал обязанностью Финна.

Финну поручили отвлекать мистера Мэйхью. «Чтобы он был занят и ничего не заподозрил» — так объяснила Эмма, сестра Финна, когда они распределяли обязанности.

— Ты единственный, кто ещё способен выражать радость, — сказал Чез, брат Финна.

Чез отлично умел подбадривать. Десятилетняя Эмма была вундеркиндом и лучше всех разгадывала шифры. А двенадцатилетний Чез, единственный из всех, помнил, что случилось много лет назад, когда их папа был ещё жив. Как будто у Чеза в голове вспыхивали разные картинки.

А ещё была тринадцатилетняя Натали, дочь мистера Мэйхью, совершенно чужая Финну — но она заставила отца забрать к себе всех троих Грейстоунов, которым некуда было деваться. Она ловко обращалась с компьютерами и телефонами — и знала, что такое тайна. Она лучше всех умела хранить секреты.

Но Чез говорил так, как будто самым полезным было умение радоваться.

Как ни странно, мистер Мэйхью, наверное, думал, что это он развлекает Финна. Мистер Мэйхью не хотел, чтобы маленькие Грейстоуны слишком часто вспоминали, что их мама пропала, а на заднем дворе грянул взрыв — и что маму Натали полиция тоже до сих пор не может отыскать. Мистер Мэйхью не знал и половины того, что произошло на самом деле. Он не знал про секретный шифр, который Грейстоунам нужно было разгадать, чтобы вернуть своих мам. Не знал, что каждый вечер, пока

Финн играл с ним в бейсбол, старшие дети отчаянно ищут путь в тот, другой мир, полный неведомых опасностей. И они пообещали Финну, что возьмут его с собой.

— Не говори Натали, — сказал мистер Мэйхью, запуская мяч в воздух, — но до её рождения я представлял себе отцовство так: я думал, что буду играть с ней, катать её на плечах... Делать всё то, для чего теперь она слишком большая — ну или она так считает. Мне и в голову не приходило, что быть папой — это ещё и менять подгузники и вытирать выплунутый шпинат. По-моему, нет ничего мерзостнее шпината...

Финн не видел девочек красивее Натали. У неё были длинные тёмные волосы, которые волной ниспадали на спину. Когда в школе они читали сказку про прекрасную королеву, друг Финна Тирелл толкнул его в бок и шёпотом спросил: «Что такое грациозная?» И Финн ответил: «Ну, это как Натали Мэйхью».

А ещё Натали была сильной и упрямой, и она могла набрать целое сообщение большими пальцами, даже не глядя на экран, с необыкновенной быстротой! А если Натали чего-нибудь хотела, ей достаточно было склонить голову набок и поднять бровь — и мистер Мэйхью тут же говорил: «Ты права! Сегодня на ужин обязательно закажем пиццу». И так далее и тому подобное.

Натали была могущественной. И это слово подходило ей даже больше, чем «грациозная». Поэтому Натали вряд ли понравилось бы, что

папа рассказывает, как менял ей подгузники и вытирал выплюнутый шпинат, когда она была маленькой.

Мяч ударился о самый край перчатки и вылетел. Финн бросился в погоню и схватил его прежде, чем тот скатился в пруд.

— Ты, наверное, думаешь, что весёлый папа — это хорошо, — сказал мистер Мэйхью, когда Финн вприпрыжку вернулся на место. — Что именно этого всем и хочется... — Какая-то тень мелькнула на лице мистера Мэйхью. Оно было загорелое, потому что мистер Мэйхью проводил много времени на поле для гольфа. Но он не играл, а продавал спортивные машины. Финн знал мистера Мэйхью всего две недели и до сих пор не понимал, какая связь между гольфом и машинами. Но, очевидно, у папы Натали дела шли неплохо.

Зато Финн понял, что это за тень на лице мистера Мэйхью и почему тот понурился, когда ему показалось, что Финн на него не смотрит. Это значило, что мистер Мэйхью сейчас начнёт говорить про маму Натали, госпожу Моралес. Они развелись, но, судя по всему, он здорово по ней скучает. А может быть, мистер Мэйхью скучает по привычным ссорам с женой.

— Как ты думаешь, дети и родители должны проводить время вместе? — спросил он и тут же захлопнул рот рукой — видимо, вспомнил, что перед ним Финн, у которого умер отец и пропала мать. — Я хотел сказать... дети и взрослые должны проводить время вместе. Ну, как мы с тобой сейчас. Жить надо весело.

Иногда Финну хотелось поднять карточку с десятью баллами, как на Олимпийских играх. Сегодня — за то, как ловко мистер Мэйхью поправился, когда сказал что-то не то. Это была одна из самых удачных его попыток. Честное слово, не мог же Финн винить мистера Мэйхью за то, что сейчас ему, Эмме, Чезу и Натали было очень легко сказать что-то не то.

— Бейсбол — это весело, — согласился Финн, бросая мяч мистеру Мэйхью. Он почувствовал, как у него загудели мышцы. Проследив взглядом полёт мяча, Финн заставил себя улыбнуться — вышло почти по-настоящему. На секунду он позволил себе забыть, что Эмма, Чез и Натали пока так и не придумали, как спасти мам. Они по-прежнему понятия не имели, как вернуться в тот опасный мир и разыскать их. С тем же успехом последние две недели они могли по вечерам играть в бейсбол вместе с Финном и мистером Мэйхью.

— Так вот и я о том же! — сказал мистер Мэйхью — это было его любимое выражение. Он улыбнулся Финну. Загорелый, темноволосый, белозубый, мистер Мэйхью как будто сошёл с рекламы зубной пасты.

Возможно, его улыбка была такой же фальшивой, как и у Финна.

Финн посмотрел в сторону забора, который отделял деревья, траву и вымощенные дорожки парка от деревьев, травы и вымощенных дорожек на заднем дворе у мистера Мэйхью. Жалюзи на втором этаже, где находилась комната Натали, были опущены. Финн знал, что

это означает «Продолжай играть, нам нужно, чтобы мистер Мэйхью подольше не возвращался домой». Когда старшие решали, что на сегодня пора заканчивать, они поднимали жалюзи.

Финну пришлось заслонить глаза рукой, потому что он смотрел против солнца. На мгновение он не поверил тому, что увидел.

Жалюзи по-прежнему были опущены, но они не висели неподвижно, как всегда по вечерам на протяжении последних двух недель. Нет, они прыгали туда-сюда — вверх-вниз, вверх-вниз, — напоминая машущую крыльями бабочку. Точнее, десятки бабочек, которые махали крыльями все одновременно.

Это был третий условный сигнал, который Финн видел лишь один раз, и то когда они тренировались. Этот сигнал значил «Возвращайся немедленно, мы кое-что нашли!».

ГЛАВА 2

ЭММА (ЗА НЕСКОЛЬКО МИНУТ ДО ТОГО)

Полицейский позвонил в дверь, отошёл на шаг и замер неподвижно, будто на крыльце у мистера Мэйхью внезапно выросла статуя. Подключившись к системе видеонаблюдения (она сделала это с помощью своего ноутбука в ту же секунду, когда услышала во дворе шум колёс), Эмма тяжело вздохнула.

— Полицейский... но всего один, — сообщила она Чезу и Натали. — Совсем молодой — наверное, недавно закончил учиться. Выглядит так, словно впервые надел форму. Короче... добрый дядя полицейский. Вряд ли он привёз нам какие-то новости про маму и госпожу Моралес.